

Лю Яньпин

магистр филол. наук, старший преподаватель
Хайнаньский университет
г. Даньчжоу, Китайская Народная Республика

DOI 10.31483/r-53620

**РОЛЬ ТЕКСТОВЫХ ЕДИНИЦ ПЕЙЗАЖНОЙ СЕМАНТИКИ
В РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕЙНО-ТЕМАТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ
ПОЭМЫ С.Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО «ЛЕСНАЯ ТОПЬ»**

Аннотация: в статье представлен анализ пейзажных единиц поэмы С.Н. Сергеева-Ценского «Лесная топь» (1906) и их значения в экспликации идейно-тематического содержания произведения. Делаются выводы о ключевой роли в поэме текстовых единиц со значением «топь» и «лес», их символичности, образности, своеобразии художественного воплощения. Констатируется, что пейзажные единицы, репрезентирующие сквозной образ-символ лесной топи, имплицитно транслируют тему неравного противостояния человека и макрокосмоса, личности и социальной «трясины», способной как духовно, так и физически погубить человека. В исследовании использованы методы и приемы лингвистического анализа художественного текста.

Ключевые слова: Сергеев-Ценский С.Н., «Лесная топь», текстовые единицы пейзажной семантики, идейно-тематическое содержание.

В связи с развитием экономических, политических, научных и культурных связей между Россией и Китаем интерес китайцев к русской истории, культуре, литературе все возрастает. Однако произведения многих талантливых, но не столь известных, как Пушкин, Достоевский, Толстой, Чехов и др., русских писателей недоступны китайскому читателю, так как переводы их произведений на китайский язык еще ждут своих исполнителей. Одним из таких писателей, художественное наследие которого, на наш взгляд, было бы интересно иностранным ценителям русской литературы, является С.Н. Сергеев-Ценский (1875–1958). Его произведения сложны для понимания и требуют знаний рос-

сийской истории, литературы, философско-нравственных убеждений автора, особенностей идиостиля, что определяет необходимость сопровождения текстов комментариями и различного рода исследованиями, цель которых – верное, адекватное интерпретирование формы и содержания художественного творчества русского классика.

Как известно, проникнуть в суть идейно-тематического и эстетического содержания произведения помогает также аспектный или комплексный лингвистический анализ текста. В данной статье мы обратимся к аспектному анализу раннего произведения С.Н. Сергеева-Ценского «Лесная топь» и рассмотрим роль в реализации идейно-тематического содержания поэмы текстовых единиц пейзажной семантики (важность и актуальность исследования которых в художественных текстах были обоснованы в работе В.Н. Рябовой [7]).

«Лесная топь» (1906) – достаточно известный и изученный текст Ценского. Социально-нравственное и поэтико-философское содержание поэмы не раз привлекало научное внимание советских и современных российских ценковедов (см., например, работы Д.С. Берестовской [1], С.Г. Иванниковой, Л.Е. Хворовой [3], Е.В. Кульбашной [4], Е.А. Прониной [6], Н.В. Чесноковой [9]). В той или иной степени исследователи затрагивали и роль пейзажных описаний, так как пейзаж в поэме занимает значительное место и выполняет сюжетно-композиционную, символическую, психологическую функции, создаёт эмоциональную тональность [4, с. 20].

В центре сюжетного повествования – события из жизни деревенской девушки Антонины, судьба которой трагична. В детстве восьмилетняя Антонина испытала сильный страх: была напугана увиденной в реке, как ей показалось, «зеленой тинистой человеческой головой» и даже почувствовала на себе прикосновение какого-то неведанного ей, но страшного лесного существа («*что-то <...> змейкой прошло вдоль спины, точно чей-то коготь*» [8]). Позднее старая бабка Марья «определит», что напугала девочку *шшиига лесная* (см.: *шшиига* – «нечистый, сатана, бес» [2]). После пережитого страха девочку начали мучать припадки, и в деревне стали считать ее «порченной», называя *дурочкой* и *кли-*

кушей (см.: *кликуша* – «кто кличет; одержимый родом падучей: преимущественно бабы, при корчах теряется сознание и больная кричит неистово» [2]). В 18 лет Антонину выдали замуж. Но вскоре после свадьбы мужа забрали в солдаты, а через некоторое время Антонина родила девочку с уродливым родимым пятном на лице. Испытывая одновременно жалось и злость к своей судьбе и к несчастному ребёнку, Антонина представляла мрачное будущее девочки и во время пожара намеренно не спасла дочь. После этого события Антонина ушла работать стряпухой на лесопильню. Но и там она не находит счастья и покоя. Возвращаясь с лесопилки в родную деревню, Антонина попадает к одичавшим на торфяниках рабочим, жестко изнасиловавшим и утопившим ее в лесной трясине.

Трагические события жизни героини сопровождаются мрачными пейзажами. При этом основную семантическую нагрузку в поэме выполняют единицы пейзажной семантики со значением «топь» («болото») и «лес». На их важную роль в тексте указывают частотность употреблений, семантическая связь с идейно-тематическим содержанием, образные контексты.

Так, слово *топь* встречается в тексте 28 раз, но в основном словарном значении («топкое, болотистое, вязкое место») – всего в пяти эпизодах, обозначая реалию природного пространства, в котором происходят события, описанные в поэме («*пришли домой еще засветло и не тропинками через топь, где ближе, а по наезженной широкой дороге*»; «*только нужно было попасть на ту плотину из хвороста и соломы, которой перегатили топь подысаковцы*» [8] (здесь: *перегатить, гатить* – «заваливать воду, топь или болото хворостом, соломой, землей» [2]). Во всех других контекстах слово употребляется как образная пейзажная единица, символизирующая жестокую действительность, во власти которой оказывается Антонина. Многочисленные развернутые эпитеты, олицетворения, сравнительные обороты создают пугающий образ лесной топи («*смирилась, наконец, топь <...>, тощая и мстительно темная*», «*топь <...> тихо дышала холодным дурманом испарений*»; «*что когда-то раньше, давно, проглотила топь*»; «*топь <...> тускло поблескивала засыпающими глазами, пря-*

часть за стволами и мягкими обомшленными кочками, как живая» [8] и т. п.), постепенно засасывающей и в конце концов губящей героиню поэмы. Пейзажные единицы, репрезентирующие этот сквозной образ-символ, имплицитно транслируют тему неравного противостояния, безысходности, страха, тьмы, смерти («топь окружила ее со всех сторон»; «топь <...> подкрадываясь ближе, как живая; и, как живая, подымалась и вливалась в душу ледяными струйками, быстрыми и острыми, как уколы булавки: уколёт и отскочит»; «топь поднялась высоко и властно залила лес»; «топь сгустилась сзади и втокнула ее, ударившись ей в плечи» [8] и т. п.). Автор словно «воссоздает метафорический мир» [1, с. 37], в котором противопоставлены отдельная личность и социальная «трясины», способная духовно и физически погубить человека.

Символический образ природы представлен в поэме и как часть макрокосма. Так, топь страшна для героини не сама по себе: топь всего лишь часть более мощной природной силы, существование которой Антонина постоянно чувствует, но сила эта неведома и непреодолима («Кто-то колдовал кругом, и зияла топь»; «И кто-то все пугал ее, приближаясь, обходил кругом с тихим треском, ломал над нею тонкие прутья, дышал на нее чем-то плотным, как дерюга <...>. Но лица его не было видно» [8] – так описывает автор видения заболевшей Антонины).

При прочтении произведения у читателя создается ощущение, что такая сила, которую автор не лексиколизует, постоянно присутствует в повествовании и в пейзажных описаниях. Достигается это преимущественно грамматико-синтаксическими средствами: 1) употреблением местоимений «неизвестности», выражающих в русском языке неизвестность субъекта действия или носителя признака («Какие-то всхлипывающие звуки <...> приплыли издалека по воде, точно кто-то ехал там на лодке»; «стоял кто-то невидный в огне и метко бросал вперед головнями в новые избы»; «Что-то тихо дышало на них сзади из-за толстых миштых дубов»; «Фукала лесопилка, задыхаясь от усилий, точно кто-то большой <...> хотел подняться из леса вверх и не мог, – зажала топь» [8] и т. п.); 2) безличными синтаксическими конструкциями с глаголами

в форме среднего рода, обозначающими действие субъекта, который существует, но не называется потому, что неизвестен («– Го-го-го-го! – кричало снизу из оврага»; «И дышало так звучно искрами и льдом <...>» [8]); 3) субстантивацией прилагательных, когда в акте номинации грамматического субъекта признак приобретает особо важное значение («Ходило кругом лесное и колдовало»; «Аукало зеленое <...>, плясало и падало»; «Плясало красное»; «Зайцев <...> жаловался ей на свое уродство, на то слепое и безликое, что прошло по нем когда-то тоже ночью и раздавило в нем человеческий образ» [8]).

Природа и человек (в лице главной героини) в произведении С.Н. Сергеева-Ценского одновременно и противопоставлены, и неразрывно связаны (неслучайно все изменения и действия топи как природного явления проецируются на состояние и действие главной героини [9, с. 427]). С одной стороны, жизнь Антони предопределена влиянием высших сил: природы, Бога, социума, в котором суждено ей родиться и жить, – тем, что в русской национальной культуре называют *судьбой, роком*. С другой стороны, героиня не принимает предначертанное ей *судьбой* («– Да я, может, не хочу терпеть! Не за что меня наказывать! Не хочу терпеть, вот и все! Душа у меня сгорела! Не могу терпеть, вот и все!» [8] – восклицает Антонина после гибели дочери во время пожара). Несмотря на то, что Антонина – дитя полей и леса, ей нет здесь счастья, радости, покоя. Мир, знакомый девушке с детства, становится для нее враждебным и пугающим. Противостояние ему бессмысленно, силы неравны, и читатель словно заранее чувствует, что Антонина обречена на гибель.

Частотны в поэме также лексические единицы с семантическим компонентом «лес» (*лес, лесной, лесопильня, лесовуша* и т. п.), что указывает на их особую текстовую значимость. Именно *лесное* существо напугало Антонину и ее брата Фильку («Он начинал понимать, что он дома, что лесного нет, что оно там, на берегу» [8] (о Фильке)). В последующем повествовании автор не раз указывает, что героиня боится леса («сжавшийся притихший лес казался еще более страшным, чем раскидистый и зеленый» [8]), потому что именно там «живет»

причина ее больного страха и искалеченной жизни (шишига лесная), «прячется» пугающая ее топь.

Образы леса и топи в поэме важны для понимания «чужеродности» Антонины природному и социальным миру, в котором ей сужено жить: окружающие героиню люди не менее чужды и неприятны ей, чем топь и лесные заросли. Не случайно эпизоды, описывающие «социальное пространство» героини, наполнены пейзажными единицами с негативной семантикой и передают чувство угнетающего героиню одиночества и атмосферу безысходности (*«Ночью под утро пришел к ней Максим, пьяный и потный, и до белого дня дышал на нее перегаром. Днем же опять шел дождь, слезились маленькие окна и давил потолок»; «сугробы за окнами, жуть и холод по ночам, приставания Дениса в темной избе»; «Трупы деревьев тихо тлели, набальзамированные соками земли. И, сидя на них, двое людей думали о смерти»*) (об Антонине и Зайцеве. – Л.Я.) [8].

Дремучим и пугавшим Антонину лесным чащобам автор противопоставляет открытые пространства (небо, лесные дороги, поля), вызывающие у одинокой Антонины чувства радостного созерцания природы и сельских пейзажей, а русское поле в поэме становится символом духовности, гармонии, крестьянского достатка [4] (*«Антонина любила околицу, и тихие межи в поле <...>. И любила смотреть в небо <...>. Тогда небо казалось живым: кто-то плавал в нем темными и светлыми звездочками, легкими, как снежинки <...>. Антонина не знала, что это <...>, но сама думала, что это ангелы»; «пахло ромашкой, огуречной травой и чабером, точно земля молилась»; «Кадили около (дороги. – Л.Я.) какие-то большие розовые цветы на высоких стеблях, и гудели над ними пчелы, отчего было домовито и ласково»; «Когда показались желтые гумна, то почему-то стало совсем покойно, как в люльке»*) [8]. С этой целью автор использует языковые единицы и образы с положительным эмотивным значением (*звездочками, легкими, как снежинки; ангелы, пахло ромашкой; земля молилась; кадили розовые цветы; желтые гумна, как в люльке; домовито, ласково, покойно*).

Хотя пейзажные единицы со значением «природное пространство» (топь, лес, поле) играют ведущую роль в экспликации идейно-тематического содержания поэмы, но мы не находим в произведении развернутых, масштабных описаний номинируемых реалий, перечислений их характерных признаков, они как бы эпизодично, отдельными деталями разбросаны по тексту («*Никто не заметил, когда поднялась топь. Случилось ли это ночью <...>, под защитой густого ольшаника и верб*»; «*Ночь кругом была густая, темная, мокрая, точно это была не ночь, а сама топь*»; «*Темный лес приютил их села, как грибы у корней <...>, раскинул над ними зеленые купола, обвеял кадилами болотных цветов и заткал паутиной старины дороги*») [8].

К отличительным особенностям репрезентации пейзажных единиц в тексте поэмы также можно отнести скрытую в них модальность. Лес, лесная топь, берег реки (где начинаются действия поэмы) представлены с точки зрения восприятия их героями. Так, Антонине и Фильке, ловившим раков на берегу реки, кажется, что наступающая ночь оживила все страшные силы природы («*Все изменялось кругом*»; «*Ходило кругом лесное и колдовало*»; «*Все шелестело и возилось что-то в лесу*») [8]. Крестьянским детям, с детства наслышанным о мифических существах, живущих в лесах, в реках, болотах и способных нанести вред человеку [5], вечерний лес сразу представился живым, таинственным, опасным. Для вербализации детских видений и чувств автор активно использует глаголы и глагольные формы со значением пугающих движений и звуков («*все шелестело и возилось*»; «*шептались раки*»; «*грозились камыши*»; «*лес кругом был близкий и темный, все дрожало в нем, шевелилось, укладывалось и опять вставало*»), адъективы и наречия с семантическим компонентом «темный», «мрачный», «душный» («*угольно-черные косяки*»; «*было густо, черно и душно*»; «*стало еще душнее, точно колодец прикрыли крышкой*»), лексические единицы, связанные в традиционном сознании русских людей с эмоцией «страх» и репрезентирующие чужой, опасный для человека мир («*летучие мыши*»; «*стаи <...> крикливых черных птиц*»; «*страх ходил около и ткал паутину, загребистый, как паук*»; «*поднялась из воды зеленая тинистая человечья голова, старая, яр-*

кая, как сноп зеленых молний, фыркнула и поплыла к ним») [8]. Такое «синкретическое сплетение образов, звуков, запахов» создает эффект присутствия на месте действия и управляет эмоциями читателя [4, с. 20].

В последующем повествовании автор сохраняет этот прием: текстовые пейзажные единицы (в форме сложных синтаксических целых или отдельных лексических единиц) представлены читателю через субъективные восприятия природных явлений главной героиней поэмы.

Таким образом, отличительными особенностями пейзажных единиц в произведении С.Н. Сергеева-Ценского «Лесная топь» можно считать 1) ключевую роль в экспликации идейно-тематического содержания поэмы текстовых единиц со значением «топь» и «лес»; 2) символичность ключевых текстовых единиц пейзажной семантики, их многократную повторяемость в тексте, отрицательную коннотацию; 3) образность языковой репрезентации, основным приёмом создания которой выступает олицетворение, активное использование глаголов, обозначающих действия, порождающие чувства страха, опасности; 4) субъективность восприятия и оценки природных реалий персонажами. Пейзажные единицы, репрезентирующие сквозной образ-символ, обозначенный автором в заглавии, имплицитно транслируют тему неравного противостояния человека и макрокосмоса, личности и социальной «трясины», способной не только духовно, но и физически погубить человека.

Поэма «Лесная топь» отличается синтезом реалистического и символического. По мнению Е.А. Прониной, такой прием способствует приданию реалистичной ситуации обобщенно-философского смысла, «благодаря чему творчество С. Сергеева-Ценского приобретает общечеловеческое, даже космическое значение» [6, с. 166].

Список литературы

1. Берестовская Д.С. Своеобразие художественных текстов ранней прозы С.Н. Сергеева-Ценского: монография. – Симферополь: АРИАЛ, 2017. – 160 с.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dal.slovaronline.com>

3. Иванникова С.Г. «Никогда я не был пантеистом»: о боге, человеке и природе в поэтико-философском пространстве повестей С.Н. Сергеева-Ценского «Лесная топь» и «Печаль полей» / С.Г. Иванникова, Л.Е. Хворова // Филологическая регионалистика. – 2015. – №1–2 (13–14). – С. 45–50.

4. Кульбашная Е.В. Женские характеры в ранней прозе С.Н. Сергеева-Ценского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2012. – 29 с.

5. Поповичева И.В. Образ ребенка в лингвокультурологическом пространстве традиционных воззрений русских / И.В. Поповичева, М.А. Бунина // Экология языка и речи: материалы Международ. науч. конференции. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – С. 254–259.

6. Пронина Е.А. Ранняя проза С.Н. Сергеева-Ценского: поэтика неореализма: дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2000. – 186 с.

7. Рябова В.Н. Пейзажная единица текста: семантика, грамматическая форма, функция (на материале произведений А.П. Чехова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2002. – 24 с.

8. Сергеев-Ценский С.Н. Лесная топь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/RUSSLIT/CENSKIJ/lestop.txt>

9. Чеснокова Н.В. Языковые особенности создания образа Антонины в поэме С.Н. Сергеева-Ценского «Лесная топь» / Н.В. Чеснокова, Я.А. Лебедева // Славянский мир: духовные традиции и словесность: сборник материалов Международ. науч. конференции, посвящается 300-летию А.П. Сумарокова, 200-летию А.К. Толстого. – Тамбов: Принт-Сервис, 2017. – С. 427–431.